

18+

Евгения Перова

Лица
во фритюре

Евгения Перова Лиза во фритюре

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23687201

ISBN 9785448502484

Аннотация

Единственная юмористическая книжка вполне серьезного автора, в которую вошло множество забавных историй из жизни музейщиков и археологов. Читатель найдет в книге и динамичное действие, и лихо закрученный сюжет, и любовные заморочки.

Содержание

История первая – очень страшная	5
Лиза во фритюре	5
Глава 1. Страсти по компьютеру	6
Глава 2. Happy birthday	23
Глава 3. нехорошая квартира	41
Глава 4. Кругооборот баксов в природе	53
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Лиза во фритюре

Евгения Перова

© Евгения Перова, 2024

ISBN 978-5-4485-0248-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

История первая – очень страшная

Лиза во фритюре

Предисловие автора:

Автор предупреждает, что все события, происходящие в этой истории, равно как и участвующие в них персонажи, являются плодом авторской фантазии и никакого отношения к реальной жизни не имеют. Любое сходство является случайным.

Другое предисловие автора:

Честно говоря, все, что происходит в этой истории – чистая правда! Хотя на самом деле случилось все это не там, не тогда и не с теми людьми. Подобно гоголевской Агафье Тихоновне автор приставил «губы Никанора Ивановича к носу Ивана Кузьмича», фамилию одного человека к прозвищу другого, перемешал мужей, детей и других родственников, не говоря уж о кошках и прочих собаках.

Глава 1. Страсти по компьютеру

Я вполне вас понимаю, сэ. Не совсем разумное решение, но на зов холодного пирога с говядиной и почками очень трудно не ответить.

П. Г. Вудхауз «Дживз в отпуске»

– Кстати, о жареной картошке. Лиз, расскажи, как ты покупала компьютер!

– Да ну, кому это интересно! И потом, это очень страшная история!

– Расскажи, расскажи! Хотим очень страшную! – радостно заверещали Мелкие

– Ну ладно, я сама расскажу, – сказала Крошка Ню.

Известно, что всякий, лишенный слуха, обожает петь. Точно так же всякий, обойденный техническим образованием, обожает окружать себя различными техническими приспособлениями. Лизавета не была исключением из правила. Со всем пылом своей гуманитарной души она влюбилась в компьютер. Под присмотром суровой Кати из отдела информатики она рьяно «обалдевала» основами компьютерной грамотности и мечтала о собственной машине.

– Лиз, а зачем тебе вообще-то компьютер?

– Ты что, как же без него! Понимаешь, на работе

не пробьешься, а мне надо то одно, то другое...

– Мне дадут сегодня рассказывать или нет!

– Все, молчим, молчим!

Но путь к вожделенному компьютеру оказался тернист и долог, ибо на зарплату младшего научного сотрудника большого столичного Музея можно было купить разве что коврик для мыши. И Лизавета начала целеустремленно коптить деньги. Она хваталась за любую работу: водила по выходным экскурсии, читала лекции, обучала тупых школьников, писала статьи, переводила статьи туда и обратно, мыла полы...

И экономила, экономила, экономила: ездила зайцем на троллейбусе, не покупала шоколадки и булочки, не говоря уж о пиве и оливках. Особенно напрягали ее булочки. Казалось бы, что в них такого – попробовал одну, считай, что знаком со всеми. Трудно открыть что-то новое для себя в обычной булочке – это тебе не шоколад: то с изюмом, то с орехами, то без орехов, то без шоколада. Или, к примеру, пиво...

– Пиво? Есть пиво? – сказал, проснувшись, Петрович. – Нету, нету, спи спокойно!

– Так, о чем это я? Ах да!

Дело в том, что по дороге на работу Лизавета каждый день проходила мимо киоска, в котором пекли и продавали пи-

рожки и булочки. А зов свежих горячих булочек не менее силен, чем зов пирога с почками. Так что она терпела страшные моральные...

– И физические!

И физические мучения. Но вдруг, когда до вожаемой суммы оставалось еще грузовика два булочек, позвонил ее друг детства Игорь, работающий на базе...

– На какой базе! На фирме!

Ну да, в какой-то компьютерной фирме. Этот самый Игорь сказал, если Лиза хочет иметь хорошее железо с хорошей начинкой, она должна СРОЧНО привезти ему необходимую сумму, и тогда через некоторое время она получит вожаемый писишник, который он сам лично соберет, проверит и поставит все необходимые прибабасы. Лизавета заметалась. Мобилизовав всех родственников и друзей, а также родственников друзей и друзей родственников, она набрала почти все.

– И у меня заняла!

– Вот, даже у Серого заняла.

Не хватало каких-то 50 баксов. И взять их было решитель-

но негде.

– Прикинь, сижусь я на работе, на столе передо мной кучка самой разнообразной валюты: рубли, доллары, марки, даже пара монгольских тугриков. Тут приходит мрачная Катька из Отдела информатики и говорит: «Ты что, банк ограбила?» «Какой банк!» – говорю я...

– Вот именно, какой банк? Кто, в конце концов, рассказ рассказывает, ты или я? Самое важное пропустила!

– Ой, правда! Ну, давай, ты рассказывай!

Дело в том, что накануне Лизавете позвонила некая дальняя подруга...

– Дочь тети Веры, ты ее знаешь.

– Ага.

...и предложила подработать: перевести на русский язык инструкцию к фритюрнице. Какие-то не то родственники, не то знакомые этой подруги купили по случаю в Варшаве партию датских фритюрниц, с помощью которых надеялись поправить свое несколько пошатнувшееся благосостояние. Инструкции к ним были почему-то только на немецком. Если бы на английском, дочь тети Веры перевела бы сама, но найти в англоязычной Москве человека, способного

пообщаться по-немецки с фритюрницей, оказалось неожиданно сложно. Перевести надо было, как говорится, вчера, и платили за это развлечение как раз 50 баксов. Но перевод – вперед. Поэтому, кроме валютной кучки на столе перед Лизаветой лежала еще кучка листочков – штук эдак пятнадцать – мелко испечатанных немецким техническим текстом. Так что 50 баксов как бы были – но все равно, что и не были, потому что деньги Игорю нужно было отдать сегодня, а баксы за перевод можно было получить минимум в пятницу – раньше Лиза никак не рассчитывала управиться.

– А что такое фритюрница? – робко спросила Агапова.

– Это такая машина: с одного конца в нее запускаешь сырую картошку, а на выходе получаешь ту же картошку, только жареную во фритюре и упакованную по порциям.

– А зачем упакованную?

– Да продавать чтобы, балда!

– А-а-а!

– Мне дадут продолжать, или нет?!

А тут еще оказалось, что перевод и печатать-то не на чем: рабочий компьютер вдруг перестал «выговаривать» букву «р», печатая умопомрачительные тексты, типа: «`еставационный совет осмот`ел экспонаты, п`едназначенные к экспо-

ни`ованию на выставке «`аитеты де`жавы `оссийской» в количестве 32 экземпля`ов (список п`илагается)». Кошма`! То есть кошмар!

– Ну да, правильно! Поэтому и Кат`ька пришла – чинить компьютер!

– Вот!

– Кат`ь, а почему он «ры» не печатает?

– А не хочет, – доходчиво объяснила Катерина. Пока она с мрачным видом объяснялась с грассирующим компьютером, Лизавета плакалась ей на жизнь, которая замкнулась в заколдованный круг: чтобы купить компьютер, не хватает 50 баксов, а чтобы заработать 50 баксов, необходим компьютер!

Катерина была девушка суровая, хотя и юная. Она как родилась с «мышью» в руке, так больше ее и не выпускала. «Microsoft Access» она научилась выговаривать раньше, чем «мама, купи мороженое». Катерина относилась с глубоким презрением к бестолковым гуманитариям, обучая их правильно нажимать на клавиши, не тыкать пальцами в экран и сохраняться каждые пять минут. Лизавета боялась ее, как огня, ублажала шоколадками и покорно дышала дымом в курилке, развлекая светскими разговорами. Екатерина, которая первое время страшно раздражалась Лизаветиной компьютерной дремучестью, постепенно прониклась к ней даже

неким своеобразным уважением и рассказывала своим – таким же виртуальным – друзьям анекдоты про то, как Лиза нажимает пароль аккордом.

– Господи, как тебе это удалось?! – спрашивала она, обреченно глядя на очередные чудеса, сотворенные Лизой на дисплее.

– Я не знаю, Катенька! – жалобно отвечала Лиза, наблюдая, как Катерина ловко приводит компьютер в чувство.

Но даже Катерина, привыкшая ко всем причудам компьютера и ко всяким нелепостям, которые творят «чайники», особенно пышущие энтузиазмом, даже Катерина не смогла объяснить загадочное исчезновение Лизиного доклада. А дело было так: Лизавета целую неделю урывками печатала доклад, с которым собиралась выступить на ежегодных Карамзинских чтениях. В процессе созидания доклада она опять что-то такое сделала, от чего компьютер просто озверел и стал съедать каждое предыдущее слово при напечатании последующего. Катерина озверела тоже, высказала и Лизе, и компьютеру все, что она думает об их умственных способностях, быстро – к счастью для всех! – исправила ситуацию и выключила машину, так как травмированная Лизавета все равно больше работать не могла.

На следующий день Лиза, с самого утра вцепившись в компьютер, не нашла в нем и следа своего доклада! И Катерина не нашла, хотя перерыла все программы, папки, файлы, базы данных, все жесткие диски и что там еще можно

перерывать! Сначала она упрекала в несохранении Лизавету, но потом вспомнила: да, деваться некуда, сама выключала.

– Да сохраняла я, сохраняла! – повторила она в 125-й раз.

– Не-е-ет, ты наро-о-очно его стерла, специа-а-ально! – всхлипывала Лизавета.

– Нужен он мне, специально стирать! С какой стати?!

– Из общей вредности!

– Ах, значит я вредная?!

– Нет, нет, ты полезная, полезная, – затараторила опомнившаяся Лиза.

– То-то же!

И обе с подозрением посмотрели на компьютер, который, в свою очередь, тоже посмотрел на них самым кротким и невинным взглядом, который смог найти в своей базе данных. Он-то знал, что он сделал с докладом! А вот нечего было обзывать его ржавой соковыжималкой! Причем тут вообще соковыжималка! Тем более ржавая. Доклад так и пропал навсегда, тем самым лишив Лизавету возможности потрясти Карамзинские чтения своими научными изысканиями (на что она втайне рассчитывала), ибо печатать заново уже просто не было времени. Кстати, после этой мистической истории Лиза несколько охладела к научным изысканиям.

– *Да, это был знак судьбы, иначе не скажешь!*

Поэтому Катерина, которая неизвестно почему, но все-таки чувствовала себя виноватой, живо прониклась Лизиним горем, не долго думая сунула руку в задний карман джинсов, достала 50 баксов и вручила их Лизавете.

– У тебя что, в каждом кармане по 50 баксов? – дрожащим голосом спросила потрясенная Лиза.

– Да нет, вряд ли, – ответила Катька, но на всякий случай проверила. Баксов больше действительно не нашлось, зато обнаружилась зажигалка, которую Катерина искала уже вторую неделю.

– Слушай, только ты мне верни обязательно в пятницу, а то я в субботу на Горбушку собралась, мне там кое-что прикупить надо, ладно?

– Как только – так сразу! Честное пионерское! – сказала Лизавета, размашисто перекрестившись.

Ура! Ура! Спасибо Катьке, деньги можно было отвозить и садиться за перевод. Правда, придется на машинке печатать, пока драйвер не купят. Лизавета уже избаловалась работать на компьютере и связываться с машинкой ей было неохота.

– Ой, что это было! Как ты говоришь, у нас все происходит одновременно, дабы не создавать очередей! Прикинь: перевод этот дурацкий, аннотации к каталогу вдруг срочно понадобились, во вторник приперлась толпа каких-то провинциалов и я битый час им лапшу на уши

вешала про хранение произведений графики! А в среду пришлось ехать на Реставрационный совет в Училище! Да еще дома соседи сверху залили мне водой всю кухню! Я думала, застрелюсь! – опять встряла Лиза.

За эти несколько безумных дней, занимаясь переводом везде, где только можно, и везде, где нельзя, Лизавета сроднилась с фритюрницей, привыкла к ней и даже полюбила. Лиза переводила за завтраком, за обедом, за ужином (вернее, практически вместо завтрака, обеда и ужина); в метро и в троллейбусе – загораживаясь локтями от соседей, так как ей было строго-настрого приказано оберегать фритюрницу от шпионажа возможных конкурентов. Переводила во время планерки и реставрационного совета. Ложилась Лизавета не раньше двух и вставала ни свет, ни заря. Фритюрница снилась ей по ночам, подмигивая разноцветными лампочками и шелестя упаковочной пленкой. На работе Лиза печатала, как сумасшедшая, оглушая коллег, уже привыкших к тихому шелестению клавиатуры компьютера, грохотом клавиш. И вот, наконец! Заложен последний лист, исправлена последняя опечатка, поставлена последняя точка! Ура! Ура! Лиза сидела, блаженно откинувшись на спинку стула и вытянув ноги, с чувством глубокого удовлетворения глядя на аккуратную стопку листов с переводом. Завтра она отдаст перевод, получит 50 баксов, вручит их Екатерине и будет нетерпеливо ждать звонка Игоря, стараясь не думать

об остальных долгах...

– Ага, а тут заявила Крошка Ню!

– Она что, так голая и пришла? – спросил Алюсик

– Кто голая? – проснулся Петрович.

– Да не голая, а Ню! Это прозвище такое у Нины Юрьевны, не знаете, что ли!

– А тебе, Петрович, вообще стыдно не знать, как родную жену кличут!

– А! – сказал Петрович, снова засыпая.

Нина Юрьевна, заведующая 18-м экспозиционным отделом, была дама с виду очень серьезная. На человека, близко ее не знающего, она производила впечатление личности ответственной и в целом безобидной. На что многие и попадались. Ибо Нина Юрьевна обладала неискоренимым чувством юмора, решительностью, и постоянным стремлением к розыгрышам. Она обожала вносить разнообразие в жизнь своих друзей и знакомых, хотя друзья и знакомые отнюдь ее об этом не просили, а, напротив, изо всех сил стремились такого разнообразия избежать. Нина Юрьевна, для близких – просто Нюсик, имела ярко выраженную скандинавскую внешность и скандинавский же рост, поэтому прозвище имела соответственное: крошка Ню. На сей раз Крошка Ню хотела совместить приятное с полезным: отпраздновать День Рождения любимого мужа Петровича...

– А? – сказал Петрович, не просыпаясь
– Спи, спи, дорогой!

...и даже не просто День Рождения, а Юбилей – не будем уточнять, сколько Петровичу стукнуло, – а также внести разнообразие в жизнь своего нового сотрудника Вадюки, для чего пригласить его на упомянутый юбилей, дабы познакомиться с Лизой. Крошка Ню считала, что Лизавета без малейших усилий со своей стороны способна внести массу разнообразия в жизнь кого угодно. И как она оказалась права! Как права!

– А кто такой Вадюка? – спросила Агапова
– Вадюка! Это отдельная песня!

Вадим Эрикович, а по-домашнему Вадюка, был высок, белокур, розовощек, голубоглаз, необычайно начитан и безумно застенчив. Он жил, окруженный, как крепостным валом, мамой, бабушкой, прабабушкой и тетушкой. Вслед за своими предками, которые со времен основания Рима занимались в основном Римской историей, Вадюка тоже увлекался Римской историей, изучал шесть лет в Университете Римскую историю, потом защитил кандидатскую диссертацию по Римской истории и в результате работал под началом Нины Юрьевны в 25-м экспозиционном отделе, не име-

ощем абсолютно ничего общего с Римской историей. Вообще в Москве с Римской историей было плохо! Если раньше она вполне способна была дать пропитание – и вполне приличное – всем членам клана, то теперь не могла прокормить даже одного Вадюку. Любому было понятно, что в жизнь Вадика просто необходимо внести побольше разнообразия, чтобы отвлечь его от Римской истории...

– Слушай, а вот мне всегда было интересно, почему станция метро называется Римская?

– А это в честь товарища Римского Григория Даниловича.

– Иди ты! – сказал Алусик.

– А кто такой Григорий Данилович Римский? – спросил Серый.

– Финансовый директор Варьете. Булгакова читать надо! Давай дальше!

Первой попыталась внести разнообразие в жизнь Вадика его собственная тетушка, которая еще в юности каким-то образом отбилась от семейного бизнеса в сторону археологии. Тетушка взяла четырнадцатилетнего Вадюку с собой в экспедицию к Захарову...

– К Макарову! – Да нет, к Захарову!

– И вообще это был Мишка Гоняный!

...где Вадюку – ввиду его полной неспособности к совку и лопате – посадили на камералку, благо почерк четкий. Вадюке в экспедиции не понравилось: как-то неудобно, грязно, мокро, пыльно, холодно, жарко и вообще опасно! И никто не интересуется Римской историей! Но Вадик достаточно знал о спартанцах, чтобы не жаловаться. Поэтому он стойко сидел на камералке и аккуратно шифровал все, что бы ему ни приносили, начиная с нуклеусов и отщепов и кончая большой канцелярской скрепкой. Захаров – Макаров – Гоняный просто рассвирепел, обнаружив среди прочих артефактов большую канцелярскую скрепку, аккуратно уложенную в полиэтиленовый пакетик и снабженную шифром: «39БК1 2000—89/n122»! После разгона, устроенного Кравцовым...

– Точно! Это был Кравцов! – закричали все хором.

...скрепки больше никогда в раскопе не попадались, и не только на этой стоянке, но и на всех других стоянках тоже. Вот как-то не попадались, и все тут! А потом приехала Агапова...

– Ты что! Совсем не Агапова!

– Ну как же! Конечно Агапова!

– Агапова! Это была ты или не ты? Эй! Ты спишь

что ли?

– Я думаю. Нет, кажется, это все-таки была не я. Потому что, если бы это была я, я бы знала, кто такой Вадюка, а так как я не знаю, кто такой Вадюка, значит это была не я, а кто-то дру... Ой!

– Спасибо, Серый! В общем, приехал неизвестно кто.

Вадюка вошел, когда приехавший уже успел выгрузить из рюкзака пол-литру, две банки шпрот, кулек карамели и два молодых огурца.

– О! Огурчики! – сказал Вадик. – Откуда?

И хотя близкая связь между свежеприехавшей личностью, разверстым рюкзаком и огурцами была очевидной, Вадюка не сумел выстроить эту логическую цепочку, и снова спросил, откуда, мол, огурчики. Экспедиция насторожилась.

– Любишь огурчики? – ласково спросил Кравцов. – Это мы с Томасом в лесу нарвали. А ты завтра сходи насобирай!

– Та, – подтвердил Томас. – В лесу как рас пошли тикие огурцы! Ранофато тля серетины мая, но ф этом готу фесна воопше ошень ранняя!

– А где они растут? – загорелся Вадик.

– Да вот Алюсик тебе планчик нарисует. Давай, Алюсик.

И Алюсик нарисовал! На плане были палатки, раскоп, дорожка, которая вела к деревне, деревня, мостик через речку, речка, луг за речкой, коровы, пасущиеся на лугу за речкой и даже, кажется, коровьи лепешки! А лес с дикими огурцами

не уместился.

– Дойдешь вот досюда, – ласково сказал Алюсик, показывая на неровно оборванный край клетчатого листочка с планом, тут тебе и лес будет.

– А как они выглядят?

– Кто?

– Огурцы!

– Зеленые такие, с пупырышками!

– Да нет, листья у них какие?

– Какие у них листья? Ребята, кто знает, какие у диких огурцов листья?

– Такие же, как у томашних! – ответил Томас, который окончил в свое время Сельскохозяйственную Академию, поэтому точно знал, какие у кого листья.

– А у домашних какие?

– О Господи! Томас, да нарисуй ты ему огуречный лист.

И Томас, поднапрягшись, нарисовал. Рано утром Вадюка отправился по огурцы.

– Алюсик! – сказал Кравцов. – Вадюка-то пошел за огурцами!

– А я тут причем?

– Давай, давай, а то мне некогда, мне статью дописать надо!

И Алюсик с Томасом, захватив сбереженный с вечера огурец, отправились в обход Вадика. Когда они, похрустывая огурцом, внезапно вышли ему навстречу, Вадюка уже

несколько отчаялся найти огурцовые заросли.

– Да ты что! – сказали Алюсик с Томасом. – Вон там, у речки, чуть поправее.

– Та, – добавил педантичный Томас. – Огурцы люпят флашные места.

В это время очень удачно подъехал колхозный грузовик и стал как раз у речки – чуть поправее. Из него повылезали мужики. Зачем они приехали и повылезали, никто так никогда и не узнал.

– Только ты поосторожнее, – предупредили Алюсик с Томасом. – А то мужики ругаться будут.

– Почему ругаться?

– Ну, они считают, что это их огурцы.

– В лесу огурцы общие! – сказал Вадюка и пошел на добычу.

Алюсик с Томасом издали наблюдали за его перемещениями, сожалея, что не слышно, о чем там переговаривается Вадюка с потрясенными мужиками, которые в результате переговоров как-то очень быстро позабирались обратно в грузовик и стремительно уехали.

– Ну как?

– Странные они какие-то! И разговаривают как-то странно!

– Наферно, огурцами телиться не хотели!

С тех пор Вадюка каждое утро упорно ходил в лес. Экспедиция наслаждалась зрелищем, уминая огурцы, которые

кто-нибудь все время подвозил из города. В городе в этом году огурцов было навалом. На камералке сидел сам Кравцов, проклиная камералку, огурцы, Вадюку и собственную инициативу. Статью он так и не дописал.

– Послушайте, – спрашивал он порой Алюсика с Томасом. – А может это не мы его, а он нас разыгрывает?

– Черт его знает!

– Та нет, не мошет быть! Ватюка – он такой!

Глава 2. Happy birthday

И вот она уже в пустом, заброшенном доме... Внезапно за спиной у нее раздается мужской голос. Она вздрагивает, оборачивается и летит... в объятия незнакомца.

Пенни Джордан «Лестница на седьмое небо»

– Слушай, на кого ты похожа? – спросила Крошка Нью.

– Скорее всего, на папу, а что?

– Да я не об этом! Ты собираешься к нам сегодня в гости, или нет? Я специально пригласила Вадика, а ты таким чучелом! Довольно милое, конечно, но все-таки чучело!

Углубившись в личную жизнь фритюрниц, Лизавета совершенно забыла не только о юбилее Петровича, но и о себе самой, поэтому действительно выглядела не лучшим образом. Ее хотелось постирать, погладить, причесать и накормить. И если обычно при взгляде на Лизавету как-то сама

собой возникала мысль о хорошо пропеченной сдобной булочке, то сейчас этой булочке явно не хватало сахарной пудры. Изюм тоже не помешал бы!

– Да, ужас какой-то! Совсем забыла! – согласилась Лиза. – Какое счастье, что я подарок успела купить заранее! Джинсы еще туда-сюда, а вот майка!

– Да-а, майка! Она, конечно, хорошая... Но вот надпись! И как ты не боишься?

– Да ладно, кто поймет-то!

– Ну, не скажи, мелкие сейчас в английском сильно продвинутые!

– Думаешь? Ладно, пожалуй, ты права. То-то мне сегодня какие-то пацаны в булавках вслед сказали: «Хиппует, плесень!» А я и забыла, что в майке!

– Ой, Лизавета! Ты допрыгаешься!

– Не пугай!

– Ну ладно, пойдем вместе пораньше, у меня голову вымоешь, накрасишься, я тебе дам какую-нибудь рубашку Петровичеву – нормально будет!

Пресловутая майка была подарена Лизавете одним приятелем, который эту майку купил в Амстердаме в секонд-хенде, о смысле надписи не подозревал, так как с языками у него было туго. Как приятель попал в Амстердам и что он там делал без никакого языка, история умалчивает. Майка ему глянулась расцветочкой: разноцветные буквы на желтом фоне смотрелись очень даже ничего! Полный текст, напечатанный

разноцветными буквами на лице и обороте майки, и приблизительно переведенный с американского сленга, был таков: «.....!? ...!»

Зная по опыту, что все мероприятия у Нюсика обычно заканчиваются тем, что далеко живущие гости остаются ночевать, Лиза тщательно упаковала перевод и оригинал в папочку, папочку – в пакетик, чтобы завтра утром прямо от Нью захватить к дочери тети Веры и отдать ей драгоценный текст.

– Ню, а почему это вы тусовались на буднях, а не в выходные, как все нормальные люди?

– Да потому что это был четверг – как сейчас помню, а в пятницу мы уезжали на дачу, чтобы праздновать Петровича уже там – с детьми и родителями.

– А вы чего, по пятницам не работаете? – с завистью спросила Агапова.

– А у нас по пятницам санитарный, тьфу, библиотечный день!

– Везет же людям!

– Кстати, Агапова, а ты чего не пришла тогда? Мы вроде бы тебя приглашали?

– А я не пришла?

– Ну да!

– И чего же это я не пришла? Не помню...

– А меня чего не пригласили? Я бы пришел! – обиженно прогудел Серый.

– Потому и не пригласили – про себя подумали Мелкие.

– О чем это я? Ах, да! Так вот, Крошка Нью отправилась в магазин – подкупить кое-чего для праздника, а Лизе дала ключи от квартиры, чтобы она спокойно навела красоту, пока всякие Вадюки не явились. Вот тут-то все и началось!

Лиза открыла дверь с трудом – чужие замки всегда трудно открыть с непривычки. Времени было мало, и Лиза напрямик отправилась в ванную – мыть голову. Мимходом она удивилась чистоте и роскоши квартиры – прямо евроремонт какой-то! Но сильно над этим задумываться не стала, быстренько вымыла голову и стала ее сушить феном, кстати оказавшемся в ванной. Одновременно она красила глаза. И вот, когда один глаз уже был совершенно готов, а голова наполовину досушена, за спиной у Лизы раздался мужской голос:

– Вы что здесь делаете?!

– Вернее, так:

– **ВЫ ЧТО ЗДЕСЬ ДЕЛАЕТЕ?!**

Судорожно оглянувшись, Лиза увидела совершенно незнакомого ей мужчину внушительных габаритов, одетого только в клетчатые семейные трусы! Лиза завизжала громче фена и, поскольку никакого оружия, кроме того же фена, у нее в руках не было, направила сильную струю горячего воздуха прямо в физиономию незнакомцу! Тот отскочил, ударился спиной о стенку и медленно сполз на пол, где и си-

дел, задыхаясь и тараща глаза.

– Ой, слушай, мне его потом даже жалко стало! Прикинь: прилег себе мужик вечерком отдохнуть на диванчик, задремал. Вдруг слышит жужжание какое-то назойливое – отдыхать мешает. Пошел посмотреть – а в ванной какая-то чужая полуголая девица их семейным феном волосы сушит! Пришла грабить – дай, думает, заодно и голову помою, что ли? – встряла Лизавета.

– А почему ты была полуголая?! – хором спросили Мелкие.

– Да голову же мыла – и майку сняла! И не совсем же голая, а в лифчике. Французский такой, красивый. Мне его Маркина продала – помнишь Маркину?

– С косточками? – спросила Агапова.

– Кто, Маркина?

– Да нет, лифчик!

– Девки, кончай про лифчики, а то сейчас Петрович проснется, давай дальше про мужика, – сказал Алюсик.

Оказалось, что Лиза, замороченная фритюрницами до последней степени соображения, попала не в ту квартиру! Этажом ниже! Потому и замок никак не хотел открываться. В общем, когда Лизе удалось избавиться от фена и объяснить этому прединфарктнику, в чем дело, она сама была на грани истерики. Мужик, выяснив, что это простое недоразумение,

а не грабеж среди бела дня...

– Ничего себе, недоразумение! Прямо «Ирония судьбы»!

– И тебе с легким паром! – сказал Алусик.

Несколько успокоившись, мужик не захотел продолжить такое неожиданное и пикантное знакомство и стал лихорадочно выпихивать Лизу из квартиры:

– Скорее, скорее, а то сейчас придет мамочка!

– Мамочка?

– Моя жена! Боже мой, да быстрее же!

Похватав барахло в охапку, Лиза вывалилась из чужой квартиры, взлетела на следующую площадку и, осторожно оглянувшись через перила на шум открывающихся дверей лифта, увидела выходящую из него «мамочку». Зрелище настолько ее потрясло, что она села на холодный пол и затряслась от ужаса, представив себе последствия мамочкиного гнева. Кое-как собравшись с силами, Лиза добралась до квартиры Крошки Нью, позвонила и упала на руки хозяйки, открывшей дверь.

– Представляешь, хозяйка уже дома, стол накрыт, некоторые гости подвалили, юбиляр на месте – нервничает, что водка выдыхается, а где Лиза? Где Лиза, которая должна была уже 25 раз придти, 100 раз вымыть

голову и 1 000 000 (миллион) раз накраситься!

– Да, этот юбилей я никогда не забуду!

– О, Петрович проснулся!

– А я давно уже не сплю. Начиная с лифчиков.

Все, кто был в квартире, высыпали в прихожую и принялись выяснять, что случилось.

– Прикинь мизансцену: я стою, полуголая...

– В одном лифчике!

– Да нет, на мне еще джинсы были. Волосы дыбом от ужаса, вся в слезах, одна щека – в потеках туши... Все из рук валится... Вадик тут этот – смотрит на меня вытаращенными глазами! Кошмар! И тут входит Алёна и говорит...

– О-о-о! – застонали все, кроме Мелких, которым еще не доводилось сталкиваться с Алёной.

– Добрый вечер! – сказала Алёна, – дорогая, ты знаешь, ты выглядишь просто неприлично! Хотя лифчик очень красивый.

Алёна была очаровательная женщина: томная блондинка с голубыми глазами и устами, созданными для поцелуев. Стройная фигура, жемчужные зубы... В общем, весь набор штампов был при ней. Ее база данных содержала 289 серий Санта-Барбары, 512 томов любовных романов серии

«Harlequin», 200 фасонов блузок, 1705 кулинарных рецептов, включая 260 из одной картошки. Изъяснялась она банальностями типа «Путь к сердцу мужчины лежит через его желудок», выговаривая их необыкновенно нежным голоском. Так могла бы говорить хрустальная вазочка с вареньем, обрети она внезапно голос. В общем, совершенно очаровательная женщина! К этому имиджу Алёна стремилась с раннего детства, долго работала над собой, подбирая нюансы и всякие пикантные изюминки. Полученным результатом она была в целом довольна.

Алёна всегда заявлялась без приглашения и звонила в самое неподходящее время. Нину Юрьевну она просто обожала, и уж к ней-то в гости приходила обязательно, помня наизусть все многочисленные дни рождения, именины и годовщины.

К Лизе Алёна относилась неоднозначно. Алёна никак не могла понять, как удается Лизе, не прилагая ни малейших усилий ни к собственной внешности, ни к собственной одежде, быть все же привлекательной для мужчин! Алёна твердо знала, что джентльмены предпочитают блондинок, а главное в женском образе – это прическа и обувь. Поэтому Лиза, которая вовсе не была длинноногой блондинкой, а невысокой брюнеткой, все время коротко и как-то неопределенно стриглась, носила джинсы и кроссовки, представляла для Алёны сплошную загадку и головную боль: и что только мужчины в ней находят, не понимаю – булочка-булочкой,

а туда же!

Но, как девушка практичная, Алёна всегда ценила Лизу как кладёзь самых неожиданных и разнообразных познаний и во всем, что касается научной работы, с ней непременно советовалась. Алёна, как ни странно, имела некоторое отношение к науке: она училась в высшем учебном заведении, хотя по всем внешним (да и внутренним) данным ей была прямая дорога в манекенщицы. Почему ее так тянуло к знаниям, Алёна и сама не могла объяснить, но грызла гранит науки с упорством, достойным лучшего применения. Гранит поддавался медленно. Даже консультации с Лизой мало помогали.

Как-то раз она позвонила Лизе в 00.35. Лиза, которая только что заснула, и которой завтра предстояло встать в пять утра, чтобы ехать в Домодедово встречать прилетавшую из Екатеринбургa родственницу, была с ней неласкова. Но, несмотря на явное нежелание сонной Лизы вести осмысленную беседу, Алёна все-таки рассказала ей о своих сложных взаимоотношениях с дипломным руководителем и даже зачитала спорную главу из будущего диплома!

Мужчины обычно западали на Алёну с первого взгляда и отпадали со второго слова. Вадик тоже был сражен Алёною наповал. На фоне растерзанной Лизы Алёна смотрелась как роза рядом с репейником.

– Ну ладно, с репейником!

- Хорошо, не с репейником, а с... ромашкой, например!*
- Репейник-то точнее будет, – подумал Серый.*

Постепенно День Рождения вошел в правильную колею. Лизу успокоили, одели, накрасили, познакомили с Вадиком и посадили с ним рядом. Вадик не протестовал, он привык слушаться женщин, тем более Нину Юрьевну, которую он боялся больше, чем маму, бабушку и прабабушку вместе взятых. Утешило его только то, что Алёна сидела напротив, и он мог ею любоваться в свободное от Лизы время...

- Я вспомнила! – вдруг закричала Агапова.*
 - Что вспомнила?!*
 - Почему не пришла!*
 - И почему?*
 - Я сгущенку с потолка смывала!*
 - Как это?!*
- И Агапова рассказала.*

Агапова очень любила сгущенку. Особенно вареную! Делается вареная сгущенка так: берешь кастрюлю побольше, ставишь в нее банку сгущенки, заливаешь воду и варишь. Главное в этом процессе, чтобы вода не кончалась. Сгущенка этого не любит. Ну вот. Как-то раз Агапова обнаружила случайно завалившуюся банку сгущенки и решила ее сварить. В то время она снимала комнату у одной старушки, которая

всем была бы хороша, если бы не ее патологическая любовь к чистоте, вследствие чего бедной Агаповой приходилось без конца что-нибудь мыть или протирать, и вообще тщательно заметать все следы! Агапова поставила сгущенку на огонь и пошла писать реферат. Агапова на жизнь зарабатывала писанием рефератов. Правда, это было не основное ее занятие, а побочное. На самом деле она работала...

– Не отвлекайся от сгущенки!

Пока Агапова писала реферат, вода потихонечку выкипала и к тому моменту, когда увлекшейся рефератом Агаповой пора было идти в гости к Крошке Нью, выкипела совсем. Сгущенка долго терпела, надеясь, что придет Агапова и дольет, наконец, воды в кастрюльку. Но Агапова пришла как раз в тот момент, когда терпение сгущенки окончательно лопнуло, и она взорвалась. Агапову контузило крышкой кастрюльки и залило горячей сгущенкой с ног до головы!

– Какие уж тут гости! Представляешь, каких трудов стоило смыть с себя сгущенку! А отмыть кухню! А смыть сгущенку с потолка, притом, что потолок-то 3.50! Мне пришлось поставить на кухонный стол табуретку, и то я с трудом дотягивалась шваброй!

– Да-а-а, Агапова! – сказали все хором. А Серый добавил:

– Есть меньше надо! А то только и думаешь, что о сгущенке!

И все с ним согласились.

Пока бедная Агапова боролась с последствиями сгущеночного извержения, у Крошки Нью выпили шампанского под салатик, потом и водочки под селедочку, потом и горячее съели, и сладкое подали... Кто курил на кухне, кто дышал воздухом на балконе, кто брэнчал на гитаре... Крошка Нью – по настоятельным просьбам трудящихся – рассказала свою коронную историю про мануфактуру. Эту историю она рассказывала каждый раз, и некоторые гости уже знали ее наизусть.

– А мы не знаем, мы не знаем!

*– Расскажи про мануфактуру! – заверещали Мелкие
А история была такая.*

Когда Крошка Нью волею судьбы, а вернее, приказом директора, оказалась причастна к Выставке Революционного Плаката, она и не подозревала, как все обернется. Начиналось все как обычно: монтаж, открытие, речь Зама по науке, целиком посвященная огромному вкладу строителей, всего на две недели позже установленного срока закончивших реставрацию залов, отведенных под Выставку; прочувствованное выступление Савелия Платоновича, толпа посетителей

на открытии и пустые залы после... Все как всегда.

Но совершенно неожиданно Выставка Революционного Плаката (ВРП) получила необыкновенный международный резонанс. В один прекрасный летний день, спасаясь от проливного дождя, в музей забрел житель Центральной Африки по имени Идриса. Он некогда окончил Университет имени Патриса Лумумбы, а в настоящее время был министром культуры в своей стране, название которой выговорить во всем музее мог лишь один Зам по науке. Поэтому все называли ее условно Эфиопией. Говорят, что этот псевдоним родила уборщица, вымывавшая Идрису из туалета шваброй по ногам, и обозвавшая его «проклятым эфиопом».

В Москву Идриса приехал не то навестить своих московских родственников, не то отдохнуть от эфиопских – и тех, и других у него было великое множество. А может быть, в Москву он приехал погреться: он уверял, что у них в Центральной Африке гораздо прохладней. Выставка Революционного плаката поразила его в самое сердце. Очевидно, в ярких красках и экспрессивных образах было что-то близкое эфиопской душе. Оформили контракт, и ВРП повезли в Африку. Примечательно, что название «Эфиопия» настолько внедрилось в сознание музейных работников, что и виза была оформлена в Эфиопию, и билеты куплены до Аддис-Абебы! Повезла ВРП Нина Юрьевна. Прибыв в Аддис-Абебу, она с удивлением обнаружила, что это несколько не та страна, с которой заключен контракт! Хорошо, что Крошка Нью

прекрасно владела английским языком.

Короче, счет за телефонные разговоры Нины Юрьевны с Москвой, Москвы с Аддис-Абебой и Аддис-Абебы с Идрисой был колоссальным! В результате сложных многосторонних переговоров ВРП наконец прибыла к месту своего действительного назначения, и Крошка Нью, развесив плакаты в фойе местного кинотеатра – единственного приличного здания после Дома правительства, отправилась в отель отдохнуть. Несмотря на то, что в номере вместе с ней проживали две ящерицы, несколько пауков и целая балетная труппа каких-то длинноногих насекомых, Нью хорошо выспалась и отдохнула.

На следующее утро Крошка Нью пришла проведать родные плакаты и обнаружила, что один из них висит вниз головой. Решив, что плакат нечаянно оторвался, и его повесили, как сумели, не разобравшись, где – верх, а где – низ, Нина Юрьевна сняла плакат со стены. В процессе перевешивания она вдруг обнаружила, что в плакате чего-то не хватает! А именно, как она выразилась, мануфактурки! Дело в том, что все плакаты для пушей сохранности были наклеены на тонкую белую хлопчатобумажную тканечку. А на этом плакате никакой тканечки-мануфактурки не наблюдалось! В ужасе пересмотрев обороты всех плакатов, Нина Юрьевна не нашла никакой мануфактурки еще на пяти плакатах! Нина Юрьевна вызвала для объяснений Идрису. Идриса пришел и провел расследование среди единственного работни-

ка данного выставочного помещения, который одновременно был и кассиром кинотеатра, и билетером, и уборщиком, и сторожем. Веселый лысый сторож в рубашке с надписью «Netto» на груди и «Brutto» на спине что-то долго объяснял Идрисе, размахивая метлой из пальмовых листьев.

– Эээ! – обратился Идриса к Нине Юрьевне, – Видите ли, у нас в наша страна нет много мануфактура. Поэтому наша народ ходит немного голый. У ваша страна есть много мануфактура. Если ваша великий страна даст немного мануфактура наша малый страна, это будет мир-дружба, нет?

Опять пошли телефонные переговоры с Москвой. Москва категорически сказала, никакой мануфактуры этим эфиопам не давать! Поэтому к каждому плакату поставили вооруженного часового, задействовав практически все военные силы данной страны, а Нине Юрьевне пришлось дневать и ночевать на выставке, так как вооруженным силам она не доверяла еще больше, чем кассиру-билетеру-уборщику-сторожу.

В общем, когда Нью возвращалась на Родину, она везла с собой на пять плакатов меньше: плакаты, лишённые мануфактурки, эти «эфиопы» оставили себе в качестве вещественного доказательства совершенного преступления!

– И что?!

– Да ничего! Так до сих пор и расследуют.

– А плакаты?

– Музей до сих пор с ними переписывается по этому

поводу!

– Да-а! – сказали все. – Вот тебе и мануфактурка!

И вот, когда вечер уже подходил к концу: рассказаны были лучшие байки и анекдоты, Томас допел свою любимую песню «По тиким степям Сабайкаля, где солото роют ф горах, продя-а-га, сутбу проклиная, ташится с сумой на плеччах!» Уже Петрович прикорнул на диванчике... Вот уже и некоторые гости расползлись по домам... Алёна, не выпуская из виду Вадика, рассказывала утомленной Крошке, как нужно правильно варить варенье из физалиса, как вдруг...

– А что такое физалис? – спросил кто-то из мелких.

– Растение такое. Не перебивай!

Как вдруг, услышав слово «конфитюр», Лиза подскочила на стуле и закричала во весь голос:

– Конфитюр! Фритюр! Фритюрница! Перевод!

– Лиза! Лиза! Что с тобой? Что случилось?

– Перевод! Я забыла перевод в той проклятой квартире!

А мне его нужно завтра отдать! Кровь из носу! Если я не отдам, мне не дадут 50 баксов! И вообще просто убьют – там какие-то крутые заказчики, им эта фритюрница до зарезу нужна! И Катерина меня тоже убьет, если я завтра не верну ей 50 баксов!

– Это какая Катька? Из информатики? Эта точно убьет.

И не поморщится.

– Убьет – ладно! Она мне с компьютером больше никогда помог-а-а-ть не бу-у-у-д-е-е-е-т! А-а-а!

И Лизавета зарыдала от всей души. Перевод нужно было как-то выручать. Лиза красочно описала и «мамочку» и ее «папочку», и все, что может произойти, если она открыто и честно заявится и скажет:

– А вот я тут у вас пакетик забыла!

– Нет, так не годится! – сказала Крошка Нью, и глаза у нее загорелись. – Так ты говоришь, ключ подошел? У меня есть план!

План заключался в том, чтобы пойти и осторожно – убедившись, что все в квартире уже спят, – открыть дверь, быстро схватить пакетик и еще быстрее убежать. Лизавета сосредоточилась и вспомнила, что пакет, скорее всего, должен стоять в прихожей у стеночки на полу как войдешь направо, куда она его и бросила в ажиотаже. Идти надо непременно мужчине, ибо женщина после общения с мамочкой – если это общение не дай бог состоится – определенно не выживет. Из мужчин в наличии было двое: Петрович и Вадик.

– Только без меня! – сказал Петрович! – у меня, в конце концов, юбилей.

И не пошел.

– И не пошел! – сказал Петрович

– И я бы не пошел, – подумал Серый.

Вадюка затравленно посмотрел по сторонам. С одной стороны на него угрожающе глядела Нина Юрьевна, с другой – умоляюще – Лиза, с третьей – с восхищением – Алёна.

– Давай, Вадюка! – сказал Петрович, зевая. – Отчизна тебя не забудет.

– Вадим Эрикович! – сказала сурово Крошка Ню. – На вас вся надежда!

– Ва – а – хлюп! – а – а – дик! – сказала, всхлипывая, Лиза.

– Вадим! Вы – настоящий герой! – сказала Алёна, добавив побольше варенья в свой хрусталь. Варенье было из лепестков роз. Присутствие Алёны решило все. Надо сказать, годы изучения Римской историей не прошли для Вадика даром. Он любил воображать себя то смелым воином-императором, то непобедимым гладиатором, спасающим первую христианку из лап кровожадных львов. Правда, осуществлять на практике свои подвиги Вадика ни разу не приходилось: ему не встречались ни первые, ни даже вторые христианки, а все какие-то язычницы, да и львы как-то не попадались на дороге. Но надо же когда-нибудь и начать! Вадик вздохнул, вспомнил Муция Сцеволу...

– Кто такой Муций Сцевола? – подумал Серый, но не стал спрашивать.

...и на дрожащих ногах отправился на дело. Крошка Ню

страховала его на лестнице...

*– Слушай, Шехерезада Степановна! Мелкие совсем за-
снули – давай ты завтра доскажешь.*

*– Мы не спим, не спим! – обиженно запищали Мел-
кие. – И не страшно совсем! Когда будет страшное?*

– А вот сейчас и будет!

Глава 3. нехорошая квартира

Полисмен оглядел меня с ног до головы.

– Что все это значит? – спросил он.

Я улыбнулся ему своей ангельской улыбкой.

– Понимаете, мне трудно объяснить.

– Понимаю! – сказал полисмен.

– Я, э-э-э, просто зашел в гости, знаете ли.

Старый друг семьи, и все такое.

П. Г. Вудхауз «Вперед, Дживз!»

Дверь открылась неожиданно легко. Вадюка шагнул в темную прихожую, как в пропасть. Ему казалось, что стук его сердца должен быть слышен у метро. Он некоторое время постоял, стараясь не дышать и прислушиваясь. Ничего не случилось. В квартире было тихо. Глаза Вадика постепенно привыкли к темноте, и он начал смутно различать окружающую его действительность. Что-то неразборчиво белело справа, что-то слабо блестело слева. Он пошарил «у стеночки на полу как войдешь направо» – и не нашел ничего. Он

пошарил слева – тоже ничего. Постепенно осмелев, Вадик уже более уверенно обыскал маленькую прихожую – никакого пакета, никакой папки! Он затоптался в сомнениях: то ли уносить ноги, пока цел, то ли предпринять дальнейшие розыски? Последующее развитие событий показало, что первое побуждение – всегда самое правильное! Внезапно распахнулась входная дверь, вспыхнул свет, и на ослепленного Вадика двинулась какая-то фигура, которая показалась ему со страху гигантской!

– Вы что здесь делаете? – сказал «папочка», чувствуя, что повторяется.

Вернее, так:

– Вы что здесь делаете?

Он был потрясен настолько, что потерял голос и мог только слабо сипеть.

– Э-э-э... – сказал Вадюка.

В это время из глубин квартиры выплыла полусонная «мачочка» в коротенькой ночнушке с Микки-Маусом на необъятной груди и осведомилась довольно дружелюбно:

– Кто это такой, папочка?

– Кто это такой?! Нет, это я тебя спрашиваю, кто это такой! – возопил папочка, внезапно обретший голос и новый взгляд на происходящие события.

После всех перенесенных страданий ему захотелось выпить перед сном пивка и он отправился в близлежащий круглосуточный магазин, отоварился там, спокойно возвратился

домой, звякая бутылками и предвкушая полуночный кайф, а дома открытая дверь, посторонний молодец и жена в Микки-Маусе! Крошка Ню, услышав на лестнице, как быстро набирает силу скандал, поняла, что Вадика надо срочно спасать. Совесть у нее была не чиста: ведь это именно она прошляпила папочкин приход, уходя на минуточку за сигаретами. Ню действовала быстро и решительно. Не успели герои драмы как следует развернуться, как вдруг среди них оказалось новое действующее лицо: дама в бордовом халате до полу, с махровым полотенцем в виде тюрбана на голове и с лицом, густо намазанным чем-то белым. Она напоминала персонаж театра Кабуки – только веера не хватало. Все замолчали. Вадюка, и так в полуобморочном состоянии, при виде Крошки Ню, завернутой в полотенце, впал уже в совершенный столбняк.

– Боже мой! Вадик! Ты здесь! Какое счастье! Дорогой, с тобой все в порядке? Я так волновалась! Пойдем, милый, тетушка уложит тебя в постельку, все будет хорошо! Пойдем, радость моя!

Вадик вышел из столбняка и судорожно дернулся к двери.

– Стоять! – скомандовал вошедший в совершенный штопор папочка. – Кто вы вообще такая? Что тут происходит, в конце концов?!

– Успокойтесь, дорогой! Вам совершенно нельзя волноваться: у вас такое апоплексическое сложение! Я вам сейчас все объясню: я ваша соседка с пятнадцатого этажа...

– Что вам здесь нужно?!

– Я пришла за племянником.

– Каким племянником?

– За Вадиком. Вот он! Это Вадик.

– Кто такой Вадик?!

– Вадик мой племянник. Он приехал из Свердловска...

– Что он делает в нашей квартире?! – хором спросили хозяйева.

– Вот я и объясняю: Вадик, мой племянник, из Свердловска...

– Ну?!

– Он лунатик.

– КТО?!

– Лунатик.

– Лунатик?!

– Лунатик. Ходит по ночам. Вот и к вам зашел. Посмотрите на него: видите – лунатик.

Все посмотрели на Вадика, который как никогда в жизни был похож на лунатика.

– А как он вошел в квартиру?

– Наверно, у вас дверь была открыта.

– Как это, открыта?

– Ну, мало ли, забыли закрыть! Это часто случается! Я сама сколько раз забывала дверь закрыть! Да она у вас и сейчас была открыта! Напрасно вы дверь не закрываете: сейчас такое время – мало ли кто может зайти!

с этими словами Крошка Ню отлепила Вадика от стены и увела его быстрым шагом, захлопнув за собой пресловутую дверь. В оставленной квартире продолжал бушевать скандал:

– Почему это у нас дверь открыта?! Куда это ты выходил?! Зачем?!

Папочку, потерявшего весь свой кураж, практически не было слышно...

– Ой, я тоже один раз дверь забыла закрыть! Что было!

– А что было? – заинтересовались все

И Агапова рассказала.

В то время Агапова жила с мамой и бабушкой в двухкомнатной квартире. Однажды ночью бабушка разбудила их с мамой посреди ночи вопросом:

– Кла-ав! К нам, что гости приехали? Чего вы их в коридоре-то положили?

– Какие гости?

Агаповская мама не сильно удивилась, так как бабушка была в маразме, и ей могло привидеться, что угодно, даже гости в коридоре. Но это был совсем даже не маразм! Когда Агапова с мамой вышли в коридор, под ногами у них действительно лежал кто-то довольно внушительных размеров. Он мирно спал, положив руку под голову, и не проснулся, когда зажгли свет.

– Боже мой! Кто это?! Это ты привела?

– Мам, ну ты что, в самом деле!

– А кто это тогда?

– А я откуда знаю?! Может, я дверь плохо закрыла, а он и зашел?

– Зашел! Чего с ним теперь делать-то?

– Выставить надо!

– Надо! А как?

Незнакомец лежал во всю длину коридора, головой упираясь в дверь. Агапова, дрожа от страха и кутаясь в ночную рубашку, перешагнула через спящее тело, трясущимися руками отворила дверь, насколько позволяла голова и быстро отскочила. Потом пнула незнакомца ногой. Мама с бабушкой подглядывали из-за угла.

– Эй, вставай давай!

– Ммы-ы!

– Вставай, вставай!

– Мма-а?

– Да вставай же ты!

– А? Что? Где? Где я?

– Где-где! Давай проваливай!

– А чего?

В конце концов, изрядно осмелевшая Агапова вытолкала незнакомца за дверь и тщательно эту дверь заперла на все замки и запоры. И еще стулом приперла – на всякий случай. После всех перенесенных страхов ей, естественно, захо-

телось в туалет. Зайдя туда, она обнаружила, что незванный гость успел и там побывать и оставил явные следы своего пребывания.

– А я его узнала! – сказала мама, наблюдая, как Агапова моет стены туалета.

– Ну?

– А это сосед с верхнего этажа! Мишка-алкаш.

– Ну, слава богу! Чай, не чужой!

Вымыв туалет, Агапова с мамой попили чаю для успокоения нервов и часу в третьем заснули. В пять часов утра проснулась бабушка и стала вопрошать через дверь:

– Кла-ав, а Кла-ав! А чего гости-то, уехали? Нету никого в коридоре!

Агапова с мамой накрылись подушками. Но даже сквозь подушки был слышен бабушкин монолог на тему: «Разве это дети? Это сволочи! Ничего никогда не рассказывают!» Для пущего удобства бабушка принесла из кухни табуретку. Через полчаса она утомилась и минут 10 подремала. Потом пошла на кухню, где тут же уронила металлический чайник. Причем крышка чайника долго каталась по полу, выбирая наиболее удобное место, пока не успокоилась в самом дальнем углу коридора. Дальше пошли совсем непонятные звуки.

– Что она там делает?

– Холодильник, что ли, размораживает? (Бабушка очень любила размораживать холодильник в пять утра).

– Да нет, не похоже. Может, мебель двигает?

Через двадцать минут Агапова с мамой сдались и, зевая, выползли на кухню, где их радостно встретила бабушка все с тем же монологом: «Разве это дети? Это сволочи! Крышку от чайника спрятали – чаю не согреть!» Агапова с мамой нашли крышку, согрели чаю, напоили бабушку чаем и напились сами. Бабушка пошла отдохнуть, Агапова пошла на работу, мама никуда не пошла, поскольку была уже на пенсии, а осталась дома размораживать холодильник.

Сосед Мишка – будучи человеком бла-ародным, как он сам себя рекомендовал – проспавшись к обеду, пришел к маме извиняться, и извинялся до тех пор, пока мама не дала ему на пол-литру. После этого он благодарил ее так долго, что... Нет, на другую пол-литру она ему уже не дала.

– Да, Агапова! – сказали все.

– Ну, агапова! Дверь не закрыла! Что у тебя в голове!

– Одна сгущенка! – добавил Серый.

И все опять согласились.

Пока мамочка чихвостила папочку, этажом выше всем миром отхаживали Вадюку. Петрович считал, что лучше всего поможет водочка, Вадику казалось, что не помешала бы валерьянка, но поскольку валерьянки не было, а водка давно кончилась, допитая самим же Петровичем, Крошка Нью принесла стакан холодной воды, отдала халат Петрови-

чу, вытерла полотенцем майонез с лица и с облегчением закурила. Вадик и Крошка Ню, перебивая друг друга, рассказывали о своих приключениях, Петрович хохотал, а Алёна порхала вокруг, всплескивая ручками и звеня хрусталем, да так интенсивно, что хотелось достать мухобойку. Лиза сидела молча, и глаза у нее были как два блюдца: где же пакет с переводом?

– А где же пакет с переводом? – вклинилась она наконец.

– Да, действительно, где? – спросила Крошка Ню.

– Его там не было!

– То есть как не было?! – закричали все хором.

– Ну не было, и все! Я не нашел! Я искал – но его не было.

– Это конец! – мрачно произнесла Лизавета.

Собственное будущее представлялось ей в очень мрачном свете: ей мерещились неведомые крутые заказчики, сверкающие золотыми цепями и зубами, которым позарез нужна эта проклятая фритюрница; а вспоминать про Катерину просто было страшно...

– Слушайте, у кого-нибудь еще есть сигареты? Мои кончились.

– Серый, дай Ню сигаретку! Я видела, у тебя есть.

– Вот зараза! – подумал Серый, но сигарету выдал

– Давай, рассказывай! Что там дальше-то было?

Вадик почувствовал, что хочет домой. Очень хочет до-

мой! Кто его знает, какие еще безумные планы зародятся в голове у Нины Юрьевны! Он затравленно посмотрел по сторонам и наткнулся на понимающий взгляд Алёны.

– Простите, – сказала она. – Но уже очень поздно. Может быть, Вадик проводит меня?

– Провожу! Я провожу!

Вадюка не знал, где живет Алёна, но готов был провожать ее хоть в Электроугли или Балашиху. К счастью, в Балашиху идти не пришлось: Алена жила всего в трех кварталах. Поскольку было уже очень далеко за полночь, и метро не работало, она благородно пригласила Вадика переночевать. Не подумайте чего плохого: Алёна была девушка приличная, и к тому же в двухкомнатной квартире жила не одна, а с мамой, братом-подростком и кошкой. Вадик переночевать согласился, но с некоторой опаской. Во-первых, он всегда слегка опасался покушений на свою добродетель со стороны прекрасного пола, так как был несколько неуверен...

– В собственной добродетели! – подсказал Алюсик.

...во-вторых, за те пятнадцать-двадцать минут, что они шли до Алёниного дома, она успела так наехать ему на уши своей Санта-Барбарой, что он стал сомневаться, а так ли сильно он на самом деле сражен ее неземной красотой, как ему показалось с первого взгляда! Вадюку устроили на раскладушке в маленькой комнате вместе с братом. Кошка,

необычайно заинтересовавшаяся появлением в ее квартире нового лица, со второй попытки проникла в комнату, прыгнула на раскладушку, села Вадюке на ноги и стала его разглядывать желтыми глазами. Под упорным взглядом кошки Вадик никак не мог заснуть.

– Простите, вы не уберете кошку куда-нибудь в другое место? – прошептал Вадик.

– Чем она тебе мешает? – спросил брат, крайне раздраженный тем, что эта идиотка Ленка притащила посреди ночи какого-то дебила, который теперь не дает спать добрым людям!

– Она на меня смотрит!

– Ну и что?!

– Я ее боюсь!

– Ну, блин! – сказал брат, встал, схватил кошку за шкурку и бесцеремонно вышвырнул ее на кухню, предусмотрительно подперев дверь стулом. На стул он положил все тяжелое, что смог найти в 3 часа ночи на кухне: пару сковородок и старинный чугунный утюг. Он-то уж знал собственную кошку! Кошка, возмущенная подобным обращением до крайности, сначала высказала все, что она думает о всяких незваных гостях:

– Поду-у-у-маешь, уж и взглянуть на него нельз-я-я-а!

А потом все, что она думает о собственных хозяевах:

– Разве это хозяева-а-а! Это звери-и! Вышвырнули на кухню-у-у-у! Ну, я-а ва-а-а-м покажу-у-у-у!

И показала. Всю оставшуюся ночь она терпеливо и настойчиво пыталась выбраться из кухни, поддевая лапой дверь. Дверь грохотала, стекла в окне дребезжали, стул стучал ножками, сковородки громыхали об утюг. Алёнина семья, привычная к кошкиным забавам, спокойно спала – в отличие от Вадика. За три квартала от кошки, решив, что утро вечера мудренее, спали Петрович, Крошка Нью и Лиза. Сны снились всем самые разнообразные:

Лиза металась по кровати, спасаясь от заказчиков, которые гонялись за ней на фритюрнице, поощряемые Катериной.

Крошка Нью выступала на сцене театра Кабуки, Петрович ей аплодировал, зевая.

Алёне снилось свадебное платье, похожее на торт со взбитыми сливками.

Ее маме – новая стиральная машина.

Ее брату – сложный запутанный сон, в котором он дошел до 9-го уровня, сохранив все 14 жизней.

Наконец заснувшему Вадиду мерещилось, что он Муций Сцевола, и Вадик стонал, мешая Алёнинному брату перейти на 10-й уровень.

Кошка и во сне лелеяла планы кровавой мести.

Папочке не снилось ничего.

Не спала только мамочка. Она задумчиво бродила по квартире и что-то подсчитывала на калькуляторе.

– А куда же перевод-то девался?

– Ты слушай!

Глава 4. Кругооборот баксов в природе

– И теперь, – обратилась старшая дама к младшей, – я должна вам шиллинг.

– Ну что вы, милочка, как это может быть?! – ответила другая, —

Ведь я с самого начала была должна вам шесть пенсов.

Джером К. Джером «Человек, который хотел руководить»

Проснувшись не рано утром, Лиза решительно объявила, что, поскольку жизнь все равно кончена, и терять ей больше нечего, то она сама пойдет в эту проклятую квартиру.

– А что ты будешь говорить? – волновалась Крошка Нью.

– Не знаю. Что скажется.

Спустившись на четвертый этаж, Лиза подошла к двери и обомлела. Как ей отчетливо помнилось, дверь была обычная: деревянная, обитая коричневым кожзаменителем. Но это вчера! Сегодня это была мощная стальная дверь! Лиза решила, что она перепутала этаж и поднялась опять наверх. Спустилась еще раз вниз: нет, квартира та же самая, а дверь – другая, стальная! Она поковыряла дверь пальцем – сталь, как не ковыряй. Лиза почувствовала, что тихо сходит с ума.

Последний раз в таком обалдении она пребывала где-то года два назад, когда только пришла работать в Музей и не знала еще всех особенностей внутреннего режима. Она как обычно прошла через внутренний двор, свернула направо и увидела крепкую кирпичную стену на том самом месте, где еще в пятницу никакой стены не было! И если бы ее не спас случайно пришедший рабочий, который забыл в пятницу у стены рукавицы, она, наверное, так навсегда и осталась бы во внутреннем дворе, так как ту дверь, через которую она вошла во внутренний двор уже начали забивать досками!

Лиза стояла, совершенно не понимая, что же ей делать, как вдруг! Дверь! Открылась!

– Ой! Страшно! – Мелкие затряслись и сбились в кучку. – Рассказывай скорей, а то страшно очень!

И! Из! Нее! Показалась! Сама! Мамочка! Во всем своем великолепии! 150 кг мамочкиного веса были упакованы в черные блестящие штаны в обтяжку и красную распашонку. Довершали наряд кроссовки 45 размера и соломенная шляпка с цветком подсолнуха. Прижимая к мощной груди объемистую сумку, мамочка вытаращилась на Лизу. Лиза вытаращилась на нее.

– А-а-а! – сказала Лиза.

– Да-да? – откликнулась мамочка.

– Я... э-э-э...

– Ну-ну?

– Вчера... перевод... папка... пакет... – неразборчиво забормотала Лизавета.

Услышав слово «перевод», мамочка оживилась, шагнула вперед, захлопнула за собой дверь и, тесня Лизу мягкой грудью вниз по лестнице, заворковала:

– Деточка! Так это вы? Так это вы! Так это ваш такой замечательный перевод? И так быстро! Спасибо вам огромное! Вы нас так выручили! Так выручили! Деточка? Вы подождете немножко с деньгами, да? У нас тут такие обстоятельства, такие обстоятельства! Понимаете, деточка, нам пришлось срочно поставить железную дверь. И мы истратили все деньги, ну, буквально, все! У нас просто нет ни цента, ну ни цента! Заходите, деточка, в начале следующей недели – в понедельник, в среду, а еще лучше – позвоните так в четверг или пятницу, в крайнем случае, в субботу мы вам все отдадим! Хорошо, деточка? Ну вот, и прекрасно!

Произнося этот монолог, мамочка дотеснила Лизу до первого этажа, выскочила из подъезда, запихнула свои телеса в серебряную «Нексию» и укатила под звуки ламбады. Лиза закрыла рот и заморгала.

– Ничего не понимаю, – подумала она.

– Ничего не понимаю! – сказала она Ню и Петровичу, которые тоже ничего не поняли...

– Ничего не понимаем! – закричали все хором. – Это что, они и есть заказчики?

– Не бывает так! – подумал Серый. – Все вранье. Пойду лучше спать (но не пошел).

– Ой, не рассказывай дальше без меня! – закричала Агапова. – Я сейчас приду! Только подожди меня!

Да, действительно, это и были те самые крутые заказчики. Чего только не случается в жизни! Вчерашним днем, мамочка, чудом разминувшись с полуголой Лизаветой, вошла в квартиру и сразу же заметила чужой пакет в своей прихожей. Заглянув внутрь и обнаружив там заказанный перевод, она несколько удивилась и вызвала для объяснений папочку.

– Откуда это взялось?

– Что – это?

– Вот это – пакет!

– Какой пакет?

– Вот этот! С переводом инструкции к фритюрнице? Кто его принес?

– Кто принес...

– Да, кто приходил?

– Д-девушка... незнакомая...

Папочка окончательно потерял смысл понимания. Если перевод принесла эта ненормальная девица, то почему она об этом не сказала? А главное, зачем мыла голову у них в ванной? Что, у нее своей нету, что ли?

– Переводчица, наверное. Ты ей заплатил?

– За что? – испугался папочка.

– За перевод! 50 долларов. Что с тобой, в конце концов?

– А-а! Ну да! Я... забыл. Ты знаешь, мамочка, я неважно себя почувствовал... и лег полежать... и заснул... В общем, я забыл.

– Я вижу, ты и сейчас не проснулся!

Мамочка, счастливая дальше некуда, что перевод на руках и можно приступать к фритюрнице, не стала сильно наезжать на папочку. Папочка, обрадованный, что от него отстали, но все же несколько обескураженный, почистил воблочки, и они славно вдарили по пивку. Мамочка, опустошив пару-тройку бутылочек, сломалась и пошла спать, а папочке не хватило, и он отправился за добавкой (знаменательно, что ни мамочке, ни папочке не пришла в голову такая простая мысль: а откуда переводчица могла узнать их адрес, если его не знала даже дочь тети Веры?).

После того, как они выдворили из квартиры незваного лунатика с его странной тетушкой, мамочка и папочка решили, что пора укрепить свои позиции стальной дверью, и тем самым предотвратить раз и навсегда вторжения всяких там лунатиков. С утра пораньше мамочка вызвала мастеров, которые оперативно возвели стальную дверь, приладили решетки на окна, подключили сигнализацию и отбыли, унеся с собой всю имевшуюся у хозяев наличность. Пока дом сотрясался от дрелей и молотков, утомившаяся за ночь компания

этажом выше спала, как колония сурков в зимней спячке.

– И что же, они от такого грохота не проснулись? – скептически спросил Серый.

– Не проснулись! Не мешай!

К середине дня пятницы расположение действующих лиц в пространстве было следующим: Вадюка спал в электричке. В квартире Алёны ему удалось заснуть лишь часам к семи, а в восемь их с Алёниным братом уже безжалостно разбудили, напоили кофе и отправили – брата в школу, Вадюку – домой, в Южное Бутово. Алёна, целое утро убиравшая последствия разгрома, учиненного кошкой на кухне, несколько охладела к своему герою, но на прощанье все же поцеловала его в розовую щеку: кошка кошкой, а потенциальные мужья на дороге не валяются...

– А они потом поженились, или нет?

– Кто?

– Алёна с Вадюкой!

Алёна с Вадюкой все-таки поженились, хотя Вадюка – в промежутках между Санта-Барбарой – сильно доставал Алёну своей Римской историей. Алёна с легкостью построила и Вадюку, и его маму и его бабушку. Мама и бабушка порхали вокруг нее, как пчелки, собирая нектар для Алёни-

ной диссертации (никакого отношения, слава богу, к Римской истории не имеющей!). Прабабушку, ввиду дряхлости возраста, Алёна не особенно беспокоила: пользы от прабабушки практически не было никакой, тем более, что она так никогда и не оправилась от переселения в Южное Бутово. Покинув квартиру в Сивцевом вражке, в которой со времен Ромула и Рема проживали члены ее семейства, прабабушка совершенно и окончательно отрешилась от действительности. Она сидела в вольтеровском кресле и с сильнейшей лупой в руках перечитывала Тацита в оригинале. Тетушка, которая к счастью жила отдельно, с облегчением скрылась в своем Бибиреве, обозвав Алёну «очень практичной женщиной». Алёна, всю жизнь боровшаяся за звание «очаровательной», такому определению обиделась и отлучила тетушку от дома, чему та была только рада.

Назвать Алёну практичной женщиной могла, конечно, только археологическая тетушка. Выбрать в мужа совершенно не приспособленного к жизни Вадюку, не способного заработать даже на том Плутарха – практичностью здесь и не пахнет! Почему Алёна, которая вполне могла выйти замуж за какого-нибудь дилера, брокера, дистрибьютора, а то и провайдера, так упорно стремилась в среду интеллигенции, катастрофически обнищавшей после падения Римской империи? Это была загадка природы, сравнимая только с загадкой Тунгусского метеорита.

Через некоторое время Римское семейство пополнилось

девочкой Верочкой, которая с достоинством несла бремя дочери, внучки, правнучки, пра-правнучки и племянницы и прекрасно засыпала под Тацита! Вадюка спасался в Биби-рево, где под крылом у тетушки с наслаждением окунался в Плутарха. Но все это в далеком будущем. Пока что Вадюка спокойно спал в электричке, которая давным-давно проехала его родное Бутово и подъезжала к Серпухову.

Крошка Нью и Петрович тоже ехали в электричке – на дачу в Перхушково. Петрович, зевая, читал «Футбольное обозрение», а Крошка Нью смаковала впечатления прошедшего дня: давно она так не наслаждалась жизнью!

Мамочка и папочка роились вокруг фритюрницы и ждали с минуты на минуту прихода срочно вызванной племянницы, которая обещала оную фритюрницу приручить согласно инструкции.

Лиза печально сидела на работе. Она выпила уже три чашки кофе, но в голове у нее не прояснилось. Хорошо еще, что Катерина куда-то провалилась: Лиза три раза звонила ей в отдел – информатика безмолвствовала, лишь на третий раз запыхавшийся мужской голос сказал, что Катерины сегодня, скорее всего, не будет. Исполнение приговора откладывалось на неопределенное время. Лиза посидела, повздыхала над своей непонятной планидой, а потом, наконец, сообразила позвонить источнику всех неприятностей, а именно дочери тети Веры. Избегая лишних подробностей, Лиза рассказала ей о том, что перевод вручен заказчикам раньше срока,

а деньги задерживают, хотя обещали сразу же. А 50 баксов ей нужно смертельно! Дочь тети Веры не стала вникать, каким образом Лиза могла передать перевод заказчикам, не зная их адреса. У дочери тети Веры своих проблем было навалом, чтобы еще задумываться над чужими! Она быстренько позвонила владелице фритюрницы и сказала:

– Ну что же вы так. Нехорошо!

Мамочка попыталась было навалиться на нее стальной дверью, но дочь тети Веры умела убеждать людей и стальную дверь отринула, как аргумент не существенный:

– Это ваши проблемы. Заплатите немедленно, – и повесила трубку.

Мамочка опечалилась. Но тут появилась долгожданная племянница, и мамочке пришла в голову удачная мысль.

– Деточка! – проворковала она. – Я понимаю, это нехорошо, но не могла бы ты одолжить нам на некоторое время те 50 долларов, что мы подарили тебе на день рождения? А, деточка? Ты их еще не истратила?

– А в чем дело? – сурово спросила деточка.

Ей объяснили ситуацию.

– Я бы, конечно, с моим удовольствием, но, понимаешь, с собой у меня денег нет, они на работе. Ехать туда мне неохота. Может быть, ваша переводчица подождет до понедельника? В понедельник расплатимся.

Мамочка принялась звонить дочери тети Веры. Дочь тети Веры, у которой фритюрница сидела уже в печенках, наотрез

отказалась вести переговоры с переводчицей – объяснитесь сами! – быстро продиктовала телефон, повесила трубку и, чтобы больше не приставали, уехала в Анталию на две недели.

– Имя-то, имя-то переводчицы не сказала! – сокрушалась мамочка. – Деточка, может быть, ты позвонишь? А, деточка? Вы, молодые, быстрее друг с другом договоритесь!

К этому времени Лиза уже совершенно озверела. В отделе она была одна: остальные сотрудники в честь пятницы разбежались по дачам, оставив в лавке Лизавету, у которой дачи все равно не было. Словно нарочно, посетители шли просто толпой, а телефон как с цепи сорвался. Больше всего времени Лиза потратила на Савелия Платоновича. Савелий Платонович был очень известным ученым, крупнейшим специалистом в самых различных областях знаний. В процессе научного творчества он любил припадать к первоисточникам. Поэтому в Музее его хорошо знали: он припадал к первоисточникам практически во всех отделах. Сначала Лизавета долго и подробно объясняла Савелию Платоновичу, как пройти в Графику...

– А что, он не знал, что ли? Ты же говоришь, что он в музее дневал и ночевал!

– Ты слушай!

Дорогу в графику надо было объяснять потому, что Му-

зей все время находился в состоянии ремонта. Практически со дня открытия. В результате ремонта внутренняя планировка Музея, и без того достаточно запутанная по прихоти архитектора, менялась чуть ли не каждый день: возникали и рушились стены, прорубались и закладывались коридоры, исчезали и появлялись лестницы. Во время оперативки Директор обычно знакомил завотделами с новой топографией Музея, те – в свою очередь – спускали информацию в народ, который уже доводил эту информацию до сведения посетителей.

– Так-так! – говорил Савелий Платонович. – Пожалуй, этой дороги я еще не знаю. Значит, говорите, после бухгалтерии налево?

– Налево и вниз! Через голографию. А потом по коридору первый поворот направо.

Савелий Платонович дважды звонил из дома и три раза уже из Музея: с проходной, из Голографии и из Кабинета Председателя, куда он забрел неведомым Лизе образом. В конце концов, Лизе пришлось спуститься к Кабинету и принять Савелия Платоновича из рук глубоко возмущенного Зама по науке, который как раз от Савелия Платоновича там и прятался! Единственным лучом света в этом бедламе была Агапова, которая только что с трудом вернулась из экспедиции, в которую ненароком заехала.

– Как это, с трудом вернулась? Ее что, не отпускали

что ли?

– А, Агапова? Что там случилось-то?

– Да ничего не случилось!

– Да ладно, расскажи!

И Агапова рассказала.

В то время Агапова находилась в экспедиции у Леоновой-младшей в Белом ключе. Заехала она туда ненадолго по дороге на дачу и три с половиной недели подряд не могла уехать. Леонова-младшая нервничала. Не то чтобы Леонова-младшая не любила Агапову, нет, она ее просто обожала! И не то чтобы Агапова очень уж мешала работе экспедиции, нет, она скорее помогала, так как была девушка не хилая и могла помахать лопатой. Но согласитесь, как-то утомительно каждый вечер на протяжении двух недель устраивать проводы! На следующее после очередных проводов утро выяснялось, что:

Агапова проспала, так как провожали слишком усердно и долго,

Агаповой нечего надеть, так как постиранное с вечера к утру не высохло,

Агаповой нечего обуть, так как кроссовки утопились в речке,

Агаповой неохота ехать, так как идет проливной дождь, То же самое, только стоит страшная жара...

И так три с половиной недели! А в это время мама жда-

ла Агапову на даче, чтобы та помогла ей не то копать картошку, не то собирать клубнику, – в общем, проводить какие-то сельхозработы. Вся экспедиция с интересом следила за попытками Агаповой уехать. Уже Алюсик два раза съездил в Москву и обратно, а Агапова все собиралась и собиралась! Когда Алюсик третий раз вернулся в экспедицию из Москвы (чего он все время мотался туда-сюда, так никто никогда и не узнал), Агаповой не было.

– А где Агапова? – поинтересовался Алюсик.

– Уехала!

– Не может быть!

– Может!

День прошел в воспоминаниях об Агаповой, а вечером – часов эдак в одиннадцать – открылась дверь и ввалилась она сама! Агапова была чудо как хороша и держала в руке большую мокрую рыбину. За хвост. Экспедиция обомлела.

– Агапова! Ты как здесь?!

Оказывается, вырвавшись из Белого ключа, она решила не возвращаться в Москву, а поехать прямо на дачу, где ее уже просто заждалась мама. Поехать она решила через Зарайск, от которого до дачи было совсем недалеко. Прибыв в Луховицы, Агапова выяснила, что электричку на Зарайск отменили, зато автобус обратно в Белый ключ – в час.

«Не судьба!» – подумала Агапова и решила вернуться в Белый ключ. Делать в этих самых Луховицах до часу было совершенно нечего, и Агапова отправилась в ресторан.

В ресторане она оказалась единственным посетителем, поэтому обслуживали ее с большим усердием, а официантка настолько полюбила, что рассказала ей всю свою биографию, биографию своего мужа и своей снохи, которую терпеть не могла. Агапова заказала пивка с бифштексом. Когда пиво с бифштексом кончилось, ей захотелось мартини с оливками. Может быть, после мартини с оливками Агаповой захотелось бы еще чего-нибудь, но официантка как раз дошла до биографии своей снохи, а под сноху и мартини с оливками шли плохо. Поэтому Агапова покинула ресторан, причем официантка проводила ее до выхода, досказывая на ходу еще какие-то душераздирающие подробности про сноху. Освободившись от снохи, Агапова пошла по направлению к автобусу. Но автобус не пришел. Как выяснилось, его тоже отменили, а Агаповой об этом не сказали. Тогда Агапова решила ловить машину. Машина поймалась довольно быстро. Два симпатичных мужичка согласились отвезти Агапову в Белый ключ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.